

> МАГИСТРАЛЪ >

ПУ СУНЛИН

Странные истории

Москва
2024

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44
П88

Pú Sōnglíng

Перевод с китайского, предисловие и комментарии
Василия Алексеева

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Пу Сунлин.
П88 Странные истории / Пу Сунлин ; [перевод с китайского В. Алексеева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199587-4

Пу Сунлин прославился книгами о лисах-оборотнях, о чародеях и призраках, о странных животных, проклятых зеркалах, говорящих птицах, оживающих картинах и о многом другом, став самым известным китайским писателем своего времени. Почвой для его творчества послужили народные притчи, но с течением времени авторские истории сами превратились в фольклор и передавались из уст в уста простыми сказителями.

Миниатюрная проза Пу Сунлина наполнена эмоциями, страстями, страхами и наставлениями, прямыми и скрытыми.

В «Странных историях» решительно сметены границы между миром действительным и миром волшебной феерии. Это изысканные, по-настоящему странные истории, тончайшие и мудрые восточные сказки.

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44

© Алексеев В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199587-4

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящий сборник рассказов Ляо Чжая непосредственно продолжает собою два предыдущих и не нуждается в особых предисловиях. Однако для читателя, не знакомого с предыдущими сборниками, выпущенными, кстати, позже, чем были готовы переводы, вошедшие в настоящий сборник, может быть полезным знать вкратце нижеследующее.

Эти рассказы, созданные, вероятно, в начале XVIII века, но получившие распространение не ранее конца того же века, написаны в оригинале китайским классическим языком, демонстративно отдаленным от разговорного. Поэтому и перевод их есть лишь перевод приблизительный, особенно в диалогической части, ибо русский язык не знает произносимого, вернее, неслышимого, литературного языка.

Фантастика, составляющая все содержание этих «Записок о странных вещах», является, тем не менее, лишь фоном для произнесения приговора над характерами и действиями выведенных в рассказах лиц — приговора, идущего исключительно из идеологии Конфуция. Эти рассказы, таким образом, являются

типично китайскими не только по фабуле и обрисованной ею обстановке, но и по самому ценному для историка литературы и всякого просвещенного читателя — по оригинальной оценке такого же оригинального материала.

Вкратце вся идеология Ляо Чжая может быть представлена так. Человек, особенно ученый, литературно образованный и сам литератор, не может создать своего земного счастья, ибо удел этого счастья отчасти предписан фатумом, отчасти зависит от его собственной личности, так что он может принять в себя от счастья только то, что в состоянии хранить. Он, как сосуд, вберет в себя и выдержит только то, что ему положено. Счастье же, как нечто незаслуженное и немислимое, может вывести из человеческих ограниченностей только человека особого, с неограниченно великим духом. Мелкий, дюжинный человек пройдет мимо него, упустит его, даже не заметив, что оно к нему приходило.

Однако, поскольку дело касается личности, ученый, склонный к ее совершенствованию в свете своей науки, может и должен на свое счастье повлиять. Его прогресс и есть подготовка к принятию этого счастья. Но если он понимает науку лишь как формальную тренировку карьериста, то он обманывает себя, но отнюдь не свое счастье: оно не считается с узкими взглядами узкого человека.

Таким образом, существует лишь один тип человека, приближающегося к совершенству, — это тип ученого, просветлевшего в науке и опознавшего в ней великую истину о суверенном добре, которое не знает никаких компромиссов. Суждение этого че-

ловека о вещах мира и есть истина. Он и в счастье, и в несчастье одинаков, ибо суждение о вещах важнее самих вещей. Но так как таковым был только Конфуций, а все остальные его последователи лишь более или менее таковы, то их задевают вещи, и они реагируют на вещи постольку, поскольку в тех заметно приближение к идеалу или отклонение от него.

Это суверенное суждение совпадает и с фатумом, который искушает, но никогда не губит настоящего человека. И если на земле его не ценят и он в капкане у злых людей и обстоятельств, то его ценят там, где, вероятно, есть свобода от надуманных людьми условностей, в мире блаженных полуплюдей и духов.

Но нет ничего подлее жадного к вещам человека-полуживотного, искренне чтящего и понимающего лишь то, что вкусно и приятно. Его презирает счастье и, коснувшись его, казнит его точно такую же долею злосчастья.

Рассказ покажет, как шел на мираж счастья достойный и недостойный человек и как трагедия его личности, начавшаяся моментом его встречи с немислимым, превратилась или в злой фарс, или в катарсис, жизнь «прямую» и настоящую.

Что ж это за счастье, даруемое фатумом и многообразными его агентами в виде духов, бесов, оборотней и необыкновеннейших людей? Это богатство, это почет, это и слава, это и любовь. Но только любовь способна проявить в человеке им самим не созданное, и рассказы Ляо Чжяя чаще всего рассказы о любви, не знающей пределов, и о любви-пародии, маразме жалких полуживотных.

В этот сборник вошло много рассказов, предназначенных для второго тома «Лисьих чар», но так как, по мнению многих моих друзей, высказывавшихся по поводу этой первой книжки, искусственное сюжетное соединение производит на читателя расхолаживающее впечатление монотонности, я, не соглашаясь с ними, все же подчиняюсь их совету и даю выбор рассказов иной, не соединенный в одну общую идею, и рассказы о лисицах чередуются с другими, развязка которых не угадывается по соседству.

По поводу выпущенных мною переводов появился только один компетентный отзыв лица, имевшего возможность сличить мои переводы с оригиналом (№ 5 «Востока»), но этот именно отзыв и поощряет меня к дальнейшим переводам сборника фантастических рассказов, пленяющего даже тех китайцев, которые, по своей недостаточной подготовке, могут читать его, что называется, с пятого на десятое, пропуская шедевры литературного мастерства, рассчитанные на получивших полное классическое образование старого Китая, в новом уже прекращенное.

В последнее время появилось очень любопытное издание рассказов Ляо Чжая, переведенных с классического языка на разговорный фразза за фразой. Уничтожив, таким образом, тот самый язык, который и составляет, как и во всяком другом литературном произведении, единственное его достоинство, оставили фабулу, но и она, по искусному своему ведению и крайнему богатству, может пленять, как пленяет остроумный сам по себе анекдот, рассказанный вяло и пошло.

Тем не менее я даю только опыт перевода Ля-очжаевых новелл, но не самый перевод, ибо компромисс — не решение вопроса. В самом деле, мне самому не менее, чем свежему читателю, ясно, что читаемость моего перевода далеко отстоит от читаемости обычных переводов и что, таким образом, я отошел от принципа перевода-пересказа, наиболее приемлемого для читателя этой книги, наряду со всякою другой, также переводною. С другой стороны, и в смысле научно-филологического перевода этот перевод также не решение вопроса. Для этого нужно было бы выбросить местоимения, перевести диалоги без вмешательства разговорных вставок, а главное, избежать всяких следов разговорно-обычного языка. Этот лабораторный перевод потребовал бы совершенно иных примечаний, и притом в таком количестве, которое превысило бы текст в сотню раз.

Не желая повторяться, я предлагаю читателю обратиться за подробными предисловиями, очень важными для понимания происходящего на следующих страницах, к первым двум выпускам моих переводов.

Перевод мой по-прежнему рассчитан не только на читателя, незнакомого с оригиналом, но и на лиц, которые всегда имеют возможность судить меня со стороны точности перевода и даже манеры выразить эту точность настолько, чтобы она не мешала книгу читать. С этой стороны я считаю свои книги переводов учебными книгами, что и было неоднократно подтверждено компетентными людьми, которых и в дальнейшем при рецензии моих переводов прошу обращать внимание на мою в этом отношении эволюцию.

ХИМЕРЫ ПЭН ХАОГУ

Лайчжоуский студент Пэн Хаогу в своем загородном доме сидел над книгами. До семейного дома было очень далеко, наступила уже, как говорится, средняя осень¹, а вернуться к родным все не удалось — и ему без друзей и без компании было скучно, тоскливо. Здесь, в деревне, думалось ему, не с кем поговорить. Есть, правда, некий Цю, известный здесь литератор, но в нем было что-то непонятно отвратительное, и Пэн обращался с ним небрежно.

Луна уже взошла², и Пэну стало еще скучнее. Делать нечего — пришлось, как говорится, «заломить планку»³ и пригласить к себе Цю.

¹ *Средняя осень*. — Каждое из четырех времен года китайцы делят еще на стадии: сильную, среднюю, последнюю. «Средняя осень» приходится на восьмой месяц лунного календаря. Это — особенно 15-го числа — праздник луны, семейный и торжественный.

² *Луна уже взошла*. — Очевидно, полная луна 15-го числа.

³ ...«заломить планку» — метафора для понятия «писать письмо», основанная на том, что древним материалом для письма китайцам служил бамбук, расщепленный на планочки.

Сели пить. Пока пили, кто-то постучал в ворота. Мальчик, прислуживавший в кабинете Пэна, вышел к дверям. Оказалось, какой-то молодой ученый желает видеть хозяина. Пэн вышел из-за стола и чинно попросил гостя войти. Обменялись приветствиями, сели в кружок. Пэн спросил, где гость живет и из какого он рода.

— Я из Гуанлина, — сказал гость. — Фамилия у нас с вами, сударь, одинаковая, а величать меня Хайцю. Эта прекрасная ночь застала меня в гостинице, и мне стало как-то особенно тяжело. До меня дошли слухи о вашей высокой и тонкой образованности, и вот я являюсь к вам без всякого третьего лица!..

Пэн оглядывал говорившего. Холщовое платье¹ на нем было чисто и опрятно. Говорил он и улыбался с непринужденной, живой текучестью. Пэну он очень понравился.

— Вы, значит, — сказал он радостно, — мой сородич...

Вечер этот, что за вечер?

Гостя милого встречаю! —

Он велел подать вина, угощая гостя, как давнишнего приятеля. Он заметил по настроению гостя, что тот как будто сильно третирует Цю. И в самом деле, когда Цю с почтением пытался втянуться с ним в беседу, гость отвечал надмен-

¹ *Холщовое платье*. — Скорее метафора, чем выражение, конкретно передающее существо дела. «Холщовым платьем» называется в литературе скромный наряд китайского ученого — по-видимому, для антитезы с его прихотливым и богатым внутренним содержанием.

но и бесцеремонно. Пэну было стыдно и неловко за Цю. Он постарался вмешаться в их разговор и предложил начать с народных песен под общую выпивку. Поднял глаза к небу, кашлянул раз-другой и запел про фуфэнского молодца¹. Весело смеялись.

— Ваш покорнейший слуга, — сказал гость, — напевать не мастер, так что нечем отблагодарить, как говорится, за «Солнечную весну»². Нельзя ли кого нанять за меня?

— Как прикажете, — сказал Пэн.

— А что, у вас в Лай нет ли какой-либо известной певицы?

— Нет, не имеется, — отвечал Пэн.

Гость погрузился в молчание и так сидел довольно долго. Потом обратился к мальчику.

— Вот что, — сказал он, — я только что позвал кой-кого... Там, за воротами... Проводи-ка сюда!

Мальчик вышел и действительно увидел какую-то девицу, прохаживающуюся перед дверями дома. Мальчик поманил ее и привел к гостям. Ей было лет дважды восемь, может быть, несколько больше... Живым-живая бессмертная фея!

¹ ...запел про фуфэнского молодца — из произведений великого поэта VIII в. Ли Во.

² «Солнечная весна» — одна из песен, которые, по свидетельству древнего поэта Сун Юя, своею изысканностью были доступны лишь ограниченному кругу людей. Следовательно, перед нами — выражение вежливости: «тонкая», «достойная» песнь; выражение это употреблено здесь с явной иронией, принимая во внимание предыдущую речь о «народных» (деревенских) песнях.

Пэн был совершенно ошеломлен... Усадил ее... На ней была ивово-желтая накидочка, и запах ее духов сразу же наводнил все углы.

— Ну что, — спросил ее участливо гость, — очень трудно небось было бежать за тысячу ли?

— Как же, как же, — с улыбкой сказала дева.

Пэн был весь удивление и стал было ее спрашивать, но гость уже обратился к нему.

— Очень жаль, — сказал он, — что в ваших местах здесь нет красавиц... Я вот и позвал ее сюда с лодки, плившей по Западному озеру!..¹ Вот, милая, вы сейчас только что в своей лодке пели про легкомысленного молодца, — обратился он к деве. — Это очень мило! Пожалуйста, спойте нам это еще раз!

И дева запела²:

Человек без страсти, чувства и любви,
Ты повел уж коня мыть на весенний прудок...
Вот уж голос твой томительно далек...
А над Цзяном свод небес так чист, высок,
И в горах так слабо светит лунный рог!

¹ *Западное озеро (Сиху)* — знаменитое своей красотой, как природной, так и приумноженной многовековыми стараниями поэтов, находится у города Ханчжоу, в провинции Чжэцзян. Если провести от Лайчжоу, где сидят собеседники, о которых здесь речь, простую прямую линию (через моря, озера, реки, болота, горы) к Западному озеру, то и тогда в ней будет не менее 750 километров, что даст не тысячу ли, как говорит Хайцю, а около полутора.

² *И дева запела.* — Перевод следующих далее в тексте строк, ввиду того что это песня с неустойчивым ритмом, а главное — с одной текущей рифмой, сделан более в сторону приблизительной музыкальной передачи, нежели абсолютной точности.

Ты потрянул головой — нет, не вернешься ко мне,
 На дворе ж поутру белым-белеет восток.
 Не ропшу, не виню долгой разлуки года,
 Горько лишь знать: счастья короток часок.
 Где ты будешь ночевать, скажи, дружок?
 Не лети, как летит ивовый в ветре пушок!
 Даже если не быть знатным маркизом тебе¹,
 Никогда не ходи в дом, где ляньюнский цветок!²

Гость достал из чулка яшмовую флейту³ и дул в такт ее пению. Кончилась песня — остановилась флейта.

Пэн был вне себя от изумления, сидел и беспрерывно хвалил.

— От Западного озера до нас разве одна тысяча ли? И вдруг вы что-то крикнули — а приглашенная уже здесь! Уж не бессмертный ли вы волшебник?

— Ну, о бессмертном смею ли я и говорить, — ответил гость. — Просто я, знаете, смотрю на десятки тысяч ли, как на свой двор! А вот что, господа: сегодня вечером на Западном озере воздух

¹ *Даже если не быть знатным маркизом тебе* — ради чего только и имели бы смысл долгие отлучки из дому. Выражение это взято из поэзии и ее гиперболического языка, коренящегося в древних текстах.

² *Ляньюн* — место, где поэт Сыма Сянжу (II в. до н. э.) встретился с Чжо Вэньцзюнь, бросившей все и побежавшей делить с ним его скромную судьбу: она провидела в нем будущего великого человека.

³ *...достал из чулка яшмовую флейту.* — Китайский чулок шит из белого холста и скорее напоминает нам высокий сапог с голенищем. Очевидно, у гостя был чулок монашеского типа, не запрятываемый в штанину и не перевязываемый у щиколотки.

и луна великолепны как никогда. Нельзя, право, чтоб нам туда не заглянуть! Могли ли бы вы идти за мной туда погулять?

Пэн согласился, желая внимательно присмотреться к странным причудам гостя.

— Очень буду рад, — сказал он.

— В лодке? На коне? — спросил гость.

Пэн подумал и решил, что в лодке будет интереснее.

— Хотелось бы в лодке, — ответил он.

— Здесь у вас, — сказал гость, — скричать лодку будет, пожалуй, далековато. А вот на Небесной реке¹ — там, наверное, должен быть перевозчик!

С этими словами он помахал рукой кому-то в воздухе.

— Лодка, сюда! — крикнул он. — Эй, лодка, сюда! Мы хотим ехать на Западное озеро... За платой не постоим!..

Не прошло и мгновенья, как из пространства слетела к ним ярко расписанная ладья. Ее окружали со всех сторон пары-тучи. Все влезли в ладью и видят, что в ней стоит человек с коротким веслом в руках, а к веслу плотными рядами приткнуты длинные перья, так что оно с виду напоминает перовой веер.

Человек взмахнул веслом — и чистый ветерок загудел вокруг них, а ладья стала плавно вздыматься и уноситься в выси туч. Она плыла по направлению к югу — мчалась, как стрела.

¹ ...на Небесной реке — то есть на Млечном Пути.